

УЧЕНЫЙ, БОРЕЦ, ЧЕЛОВЕК

Нет больше Жолио-Кюри. Это кажется невероятным. Всего несколько недель тому назад он был у нас в лаборатории в Дубне, был полон энергии, говорил о планах будущей работы.

В эти скорбные дни на меня нахлынули воспоминания о Жолио. И естественно, что он встает передо мной в такие моменты своей жизни, когда раскрывались его качества ученого и человека, которые могли быть, разумеется, знакомы только людям, имевшим счастье работать с ним и быть его друзьями. Впрочем, это одно и то же, ибо, работая с Жолио, невозможно было не быть его другом.

Дубна. Май 1958 года. Обеденный институт ядерных исследований... Жолио говорит, что самое большее через год он освободится от административных обязанностей в новом институте «Ор-

се», который он сейчас создает, и сможет целиком отдаться экспериментальной работе в лаборатории, которой — я хорошо это знаю — принадлежало его сердце.

Это было не платоническое явление, и я был убежден, что Жолио через некоторое время снова надеет свой рабочий белый халат. Как в былые времена, 20 лет тому назад, я вижу его исправляющим электрический мотор в лаборатории в Иври, где он лично монтировал электронный ускоритель высокого напряжения.

Сейчас мне приходит на память выполненный нами совместно эксперимент, в котором был использован радиоактивный источник большой интенсивности, — эксперимент, небезопасный для здоровья. Жолио решительно запретил МНЕ приближаться к источнику, заявив, что это может быть опасно. Однако СЕБЯ он считал свободным от опасности, это было видно по тому, как он обращался с этим источником.

Одним из самых замечательных черт Жолио был какой-то изумительный дар подымать дух каждого, кто обращался к нему: даже самые обескураженные неудачами сотрудники после разговора с Жолио уходили от него уверенными и полными надежд. Жолио завоевывал сердца всех, кто работал с ним. Как-то я

заболел, кажется, оттого, что вдохнул пары ртути во время одного из опытов, проводимых в лаборатории. Жолио добился того, чтобы меня лечили в знаменитом институте Пастера, куда не так легко попасть.

Когда я начал поправляться, Жолио пригласил меня приехать в чудесное спортивное зимнее местечко Альп д'Юэз в Альпах, где он жил в то время со своей семьей: с женой Ирэн, дочерью Элен — ей тогда было десять лет — и сыном Пьером, около пяти лет. Во время своего месячного пребывания вместе с Жолио я имел возможность еще ближе познакомиться с этим замечательным человеком.

Семья Жолио-Кюри была необычайно простой, приветливой, исключительно дружной, хотя (а может быть, потому что) Фредерик и Ирэн были очень разные по характеру люди. Она — застенчивая, немногословная, он — мастер рассказывать разные истории, не прочь «послушать себя» — типичный француз.

Фредерик Жолио мог увлекательно беседовать со всеми подробностями о вине, мало кому известном, но прекрасном, или о небольшом чудесном ресторанчике в предместьях Парижа, хозяин которого помогал ему как участнику Сопротивления нацистским оккупантам. Жолио мог говорить на эту тему с таким же энтузиазмом, с каким он обсуждал план нового научного эксперимента.

Мне приходится на память такая сцена. На одном из семинаров в лаборатории Жолио его жена Ирэн сидит рядом с ним, обеспокоенная здоровьем мужа, который непрерывно курит. Она несколько раз выхватывает у него изо рта сигарету и выбрасывает ее, а он невозмутимо закуривает новую. Это продолжается до тех пор, пока Фредерик не пересаживается на другое место.

Как я мог наблюдать в Альп д'Юэз, Жолио, увлекавшийся лыжным спортом, относился к этому занятию с полной серьезностью. Я не могу забыть, какую гордость он испытывал, выполнив «поворот Алле», то есть вираж на большой скорости, по примеру чемпиона мира того времени по слалому Алле. Вообще Жолио был большим любителем спорта. Он с одинаковым увлечением занимался рыбной ловлей и парусными гонками.

Для того, чтобы помочь своему сотруднику, находившемуся в крайне затруднительном материальном положении, открыть школу джиуджитсу — японской борьбы, в которой тот был специалистом, — Фредерик с большим энтузиазмом начал заниматься с этим видом спорта. Школа прославилась: в га-

зетах появились рекламные статьи и фотографии, подтверждавшие, что великий ученый, лауреат Нобелевской премии не мог бы никогда чувствовать себя в такой «прескоходной форме», если бы не занимался джиуджитсу.

Но он занимался и теннисом, зимой — в закрытых кортах, летом — на площадке своей виллы в Со. Играл он хорошо — на уровне примерно советских игроков первого разряда. Надо сказать, что и к этому виду спорта он относился весьма ревниво, и ему совсем не нравилось проигрывать...

Разумеется, Жолио-Кюри, как и другие выдающиеся физики нашего времени, обладал ясным умом, широкой научной эрудицией, глубоким пониманием научных проблем, огромной работоспособностью, уверенностью в своих силах. Но когда вспоминаешь, что только за период с 1932 по 1939 год им было сделано четыре крупнейших научных открытия, то позволительно задать вопрос: каковы же те наиболее типичные качества, которые отличали Жолио как великого исследователя-экспериментатора?

Мне кажется, что таких качеств у него было два: могучая научная фантазия и, как говорят итальянцы, с прежудика теца — способность признавать возможным даже самый «невероятный» и «странный» факт. Именно благодаря этим качествам Фредерик Жолио в сотрудничестве с Ирэн Кюри, критический ум которой иногда служил антиподом энтузиазму мужа, удалось открыть явление искусственной радиоактивности, несмотря на то, что в их распоряжении имелись менее значительные экспериментальные средства, чем те, которыми располагали ученые Америки и Англии.

Можно даже сказать, что в Америке и Англии явление искусственной радиоактивности наверняка наблюдалось, но не было открыто из-за отсутствия этой способности, которой обладал Жолио, — считать возможным самое невероятное.

Везде и всюду — будь то в лаборатории во время эксперимента большого значения, или оказывая помощь нуждающимся сотрудникам, изготовляя бомбы, предназначенные для борьбы французских патриотов против фашистских оккупантов, или готовя очередной конгресс мира, рассказывая за дружеской беседой веселые анекдоты, или воюя с ракетой в руках на теннисном корте, — везде и всегда Фредерик Жолио был энтузиастом, жизнерадостным человеком.

Дорогой товарищ Жолио, прощай!

Бруно ПОНТЕКОРВО